

Н. М. Люкина (Глазов)

Юндинский говор бесермянского наречия удмуртского языка

По итогам Всероссийской переписи населения, которая была проведена в октябре 2002 года, численность бесермян составляет 3122 человека (в 60–70-х годах XX века их было около 10 тысяч). Проживает эта этническая группа на северо-западе Удмуртской Республики. Бесермянские деревни островками вкраплены в массу удмуртских, татарских, русских селений. Вследствие продолжительного контакта этих народов происходило взаимодействие их языков. Язык «бесермян в своей основе удмуртский и представляет собой один из специфических его диалектов: по ряду весьма существенных признаков он противостоит всем диалектам удмуртского языка» [Тепляшина 1970а: 242]. Своеобразие данного диалекта заключается в сочетании в его фонетическом строе, грамматической системе, лексическом составе явлений как северного, так и южного наречий.

Предлагаемая статья написана на основе полевых материалов, собранных во время диалектологических экспедиций. Собран значительный материал, который представляет немалый интерес для специалистов в области удмуртской диалектологии. Объектом наблюдения служила речь представителей старшего поколения, т. к. они в большей степени сохраняют местные, диалектные черты.

Т. И. Тепляшина в бесермянском наречии выделяет три основных говора: юндинский, лекминский, кильмезский [1970а: 56]. Следует заметить, что они не совсем однородны. Юндинский говор еще не был объектом специального изучения. В настоящее время в речи этих бесермян диалектные особенности постепенно стираются, чувствуется большое влияние северного наречия и литературного языка.

Село Юнда (сами жители выделяют Большую Юнду (бес. *вуж йундь*) и Малую Юнду (бес. *пэс'и йундь* или *тупал йундь*) расположена на левом притоке р. Чепцы, в 15 км. от районного центра (п. Балезино). В данном населенном пункте общая численность жителей составляет 514 человек. По материалам книги «Язык бесермян» [Тепляшина 1970а: 35] Юнда отнесена к чисто бесермянским селениям. На сегодняшний день здесь совместно проживают бесермяне (68%), удмурты (23%), татары (3%), русские (2%), а также представители других национальностей. Как видно, население смешанного типа. При наблюдении над разговорной речью юндинских бесермян прежде всего было обращено внимание на наиболее яркие фонетические явления в области вокализма и консонантизма.

Как нам известно, регулярным продолжателем праудмуртского **o* в большинстве современных диалектов выступает фонема *ö*. В южном диалекте, северном наречии, срединных говорах, удмуртском литературном

языке она реализуется в неогубленном варианте, а в большинстве периферийно-южных (за исключением канлинского, буйско-таныпского) – огубленном [Кельмаков 1992: 39; 1998: 55-56]. В бесермянском наречии вопрос о наличии/отсутствии фонемы *ö* окончательно не решен. Т. И. Тепляшина [1970а: 78, 163-164 и др.] отмечает, что в речи бесермян данная гласная ни в одном из вариантов не употребляется, они заменяют ее другими звуками (*э, ь, о*). С целью проверки была составлена специальная программа, включающая 140 удмуртских слов с гласной *ö*. Удивлены были тем, что в большинстве случаев мы услышали данный звук. Но при беседе с информантами выяснилось, что они уже разговаривают как удмурты: *кал' суро н'и ван'мъз* 'сейчас все уже смешалось'.

В материалах экспедиции представлено небольшое количество слов с переборами (в речи разных бесермян) в употреблении вышеназванных гласных на месте общеудмуртского *ö*.

1. *ö ~ э: göр ~ гэр* (удм. лит. *gör*) 'иней, изморозь', *йöчкнь ~ йэтскнь* (удм. лит. *йöтскыны*) 'притронуться', *йö ~ йэ* (удм. лит. *йö*) 'лед', *йöнь ~ йэнь* (удм. лит. *йöны*) 'осот', *көн'а ~ кэн'а* (удм. лит. *кöня*) 'сколько', *кöй ~ кэй*, (удм. лит. *кöй*) 'сало, жир', *л'öл' ~ л'эл'* (удм. лит. *л'öль*) 'алый, розовый', *л'öм ~ л'эм* (удм. лит. *л'öм*) 'черемуха', *мöйь ~ мэйь* (удм. лит. *мöйы*) 'пожилой', *тöд'ь ~ тэд'ь* (удм. лит. *тöды*) 'белый', *тöри ~ тэри* (удм. лит. *тöри*) 'карий (о масти лошади)', *чöл'ь ~ чэл'ь* (удм. лит. *чöльы*) 'мизинец'.

2. *ö ~ ь: öт-öт-öт ~ ьт-ьт-ьт* (удм. лит. *öб-öб-öб*) 'крик от внезапной боли'.

3. Помимо перечисленных слов в данном говоре есть случаи с однозначным соответствием:

а) с гласным *ь* было зафиксировано лишь одно слово: бес. *б'ьт'ьртнь* (удм. лит. *б'öт'ьыртны*) 'лепетать, говорить без умолку';

б) общеудмуртское *шöк'ч* 'шершень' все юндинские бесермяне произнесли с гласным *э* (бес. *шэк'ч*);

в) не зафиксированы случаи замещения фонемы *ö* гласным *о*.

Интересно отметить, что в одном слове, в речи нескольких информантов, было отмечено употребление *ö* на месте *и* лит. языка: *пöчи* (удм. лит. *пичи*) 'маленький, мало', что говорит о явном влиянии среднечепецкого диалекта.

Лексический материал показывает, что гласный *ö* в юндинском говоре в настоящее время употребляется не только в речи молодежи, но и малограмотных или совершенно неграмотных людей. Едва ли можно согласиться с автором монографии [Тепляшина 1970а: 163-164], что «отсутствие» *ö* считается главной особенностью речи бесермян.

В пределах первого слога слова перед палатальными согласными гласный *ь*, за некоторыми исключениями, изменился в *и*: *кйöэд* (удм. лит. *кыед*) 'навоз', *киз'* (удм. лит. *кызь*) 'моча', *вил'* (удм. лит. *виль*) 'новый' и др. Данное явление характерно и для южноудмуртских говоров, в которых оно встречается с большей регулярностью. Следует отметить, что в речи

бесермян юндинского говора наблюдается и варьирующая корреспонденция, напр.: *би'зи* ~ *бъз'и* (удм. лит. *бызи*) 'вышла замуж', *вил'* ~ *вил'* (удм. лит. *виль*).

В определенной группе слов на месте *и* выступает заднерядный *ъ*, чаще всего в пределах первого слога в позиции перед велярным согласным или между щелевыми *ж*, *ш* и последующими палатальными: *гъжъ* (удм. лит. *гижы*) 'ноготь', *чътъ* (удм. лит. *читы*) 'цыпленок', *л'ъпънь* (удм. лит. *липыны*) 'крыть, перекрыть', *пъль'ъльнь* 'колоть, раскалывать' и др. Всего в списке было 48 лексем, из них 15 слов информанты, вместо ожидаемого *ъ*, произнесли гласным *и*: *вирсэр* 'кровеносный сосуд', *зибът* 'тихо, смирно', *кил'* 'перхоть', *сис'янь* ~ *ис'янь* 'цедить, процедить', *сил'* 'мясо', *кис* 'тиски, клещи' и др.

В системе вокализма особая роль принадлежит переднерядным *и*, *э*, которые оказывают палатализирующее влияние на последующий твердый согласный слова. Эта особенность характерна и для данного говора: *ин'мар* (удм. лит. *инмар*) 'бог', *т'эбэт'* (удм. лит. *тэбэт*) 'пеленка', *кът'и* 'где, по какому месту', *с'из'ъл* 'осень, осенний', *йун'иън* 'в Юнде', *тин'ал* ~ *пинал* (удм. лит. *пинал*) 'молодой', *д'эра* ~ *дэра* (удм. лит. *дэра*) 'холст', *д'ис'* ~ *дис'*, *пумит'* ~ *пумит* (удм. лит. *пумит*) 'напротив', *л'эгит'* ~ *йэгит* 'молодой' и др. Как показывают примеры, в юндинском говоре можно услышать оба варианта слов, как с палатальными, так и велярными согласными. Под действие этого процесса попали и русские заимствования: *с'ирота* 'сирота', *витамин'* 'витамин', *пэн'с'и* 'пенсия', *вазалин'* 'вазелин', *з'эрно* 'зерно'.

Характерной особенностью говора является сохранение общепермского начального **ў* в анлауте перед гласным *а* на месте удмуртского литературного губно-зубного *в* в определенном круге слов. В бесермянском наречии Т. И. Тепляшина выявила примерно 20 таких лексем. Данный звук она не включает в состав современных фонем, хотя билабиальный сонант имеет весьма устойчивый характер. С целью проверки сохранности данного согласного был составлен список слов на *ў(а-)*. Лексика заимствована, главным образом, из работ В. К. Кельмакова [1998: 83-86; 2004: 305-328]. Регулярность употребления данного согласного у разных возрастных групп различна: наиболее последовательно отмечается в речи представителей старшего поколения, хотя иногда и они заменяют *ў* более высокочастотным литературным *в*. Интересно отметить, что в языке юкаменской молодежи (бесермян) слова с *ў(а-)* встречаются чаще и больше, чем в юндинском говоре той же возрастной группы. На основе собранного материала можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время в юндинском говоре с анлаутным *ў* обнаружена 21 лексема (из 31 по списку);

2. Все информанты в целом исключительно единодушны в употреблении *ў*, отклонения наблюдаются:

а) в лексиконе информанта отсутствуют или он уже не может вспомнить слова *ўанум* 'эпоха', *ўары* 'стержень челнока', *ўад* 'выдра', *ўаз'эр* (пин) 'клык', *ўак* 'мелкий, некрупный', *ўакта* 'грязь (в доме)', *ўалы* (скал)

'стельная (корова)', *ўарс'* 'сусло', *ўас'аны* 'сильно проголодаться'; вместо некоторых из них в речи употребляют другие слова, чаще всего русские, напр.: *вьдра* 'выдра', *кльк* 'клык', *шаг* 'шаг'.

б) в речи одного информанта в четырех словах вместо ожидаемого *ў(a-)* представлено *в(a-)*: *вас'кьнь*, *ватсань*, *ван'бур*, *ван'мьз*. На мой взгляд, это влияние удмуртского литературного языка.

в) во время полевой практики в разговорной речи юкаменских бесермян обнаружена лексема *ўат'ин* 'недавно' (в программе исследования не было). В юндинском говоре данное слово не зафиксировано. Приведенный материал говорит о том, что бесермяне отчетливо различают *ў* как фонему от согласной *в* в положении перед *а*: *ўал'ан кут вал ук мил'ам, сапошки ой вал* 'раньше лапти же были у нас, сапог не было'.

Рассмотрим некоторые особенности дистрибуции удмуртских аффрикат, которые в бесермянском наречии претерпели парадигматические и синтагматические фонемные изменения. Вышли из употребления велярные аффрикаты, а палатальные в целом оказались более устойчивыми.

1. Для исследуемого говора также характерно явление, когда в положении перед *-Ги(-)* и *-Гж(-)* анлаутные *й* и *ж* заменяют смычными согласными *т'* и *д'*:

а) *т'өж* (удм. лит. *йөж*) 'утка', *т'өжь* (удм. лит. *йөжы*) 'молозиво', *т'ышкьнь* (удм. лит. *йышкыны*) 'стричь, подстричь', *т'ушйал* (удм. лит. *йушьял*) 'еж; ежовый' и др.

б) *д'ож* (удм. лит. *жож*) 'обида, огорчение, досада', *д'ужьт* (удм. лит. *жуужьт*) 'высокий', *д'уш* (удм. лит. *жуши*) 'брюшина', *д'ожон* (удм. лит. *жожон*) 'толокно' и др.

2. Ауслатная и инлаутная велярная аффриката *й* (в любом сочетании) заместилась фрикативным *ш*: *гаиш-гаиш* (удм. лит. *гай-гай*) 'прямо, выпятив грудь', *пъш* (удм. лит. *пый*) 'блоха', *пуш* (удм. лит. *пуй*); *кошо* (удм. лит. *койо*) 'сорока', *нокышэ* (удм. лит. *нокыйе*) 'никакой', *пъшкулон* (удм. лит. *пыйкулон, пыйтурын*) 'душица', и др.

3. В анлауте на месте общеудмуртских велярных аффрикат *й* и *ж* выступают фрикативные *ш* и *ж*: *жөк* (удм. лит. *йөк*) 'стол', *жог* (удм. лит. *йог*) 'быстро, спешно', *жук* (удм. лит. *йук*) 'каша'; *шэм* (удм. лит. *йем*) 'часто', *шън* (удм. лит. *йын*) 'дым', *шукна* (удм. лит. *йукна*) 'утро' и др.

4. Нами также выявлено, что в юндинском говоре встречаются и исключения, т. е. случаи употребления велярных аффрикат в вышеуказанных позициях: *кьйэ* 'какой', *йуж* 'желтый', *огжужда* 'одинаковый по росту' и др. По-видимому, это тоже объясняется влиянием соседних северных диалектов удмуртского языка.

Таким образом, перед нами своеобразный говор бесермянского наречия, который в настоящее время требует дальнейшего исследования.

Список литературы

Кельмаков, В. К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов / В. К. Кельмаков // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: тезисы докл. Т. I : Языкознание / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. гос. ун-т. – Устинов, 1987б. – С. 113-15.

Кельмаков, В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия / В. К. Кельмаков // В. К. Кельмаков. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1) / науч. ред. С. В. Соколов. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992а. – С. 33-107.

Кельмаков, В. К. К истории велярных аффрикат в одном бесермянском говоре / В. К. Кельмаков // IV симпозиум по пермской филологии, посвященный 100-летию А. С. Сидорова: тезисы докл. / Сыктывкарский гос. ун-т. – Сыктывкар, 1992в. – С. 27-31.

Кельмаков, В. К. Об одном утраченном гласном в бесермянском диалекте удмуртского языка / В. К. Кельмаков // LU. № 3 (XXVIII). – 1992ж. – С. 189-203.

Кельмаков, В. К. Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах / В. К. Кельмаков // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. статей / Удм. гос. ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1997. – С. 52-75.

Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография / В. К. Кельмаков. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Тепляшина, Т. И. Язык бесермян / Т. И. Тепляшина / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970а. – 288 с.

Тепляшина, Т. И. Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян / Т. И. Тепляшина // СФУ. – № 3 (VII). – 1971а. – С. 201-204.

Финно-угорские народы России: статистический сборник / пред. ред. коллегии В. П. Марков. – Сыктывкар, 2005. – С. 9.